

РУССКИЙ ФРОНТИР: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (Юг России в XVI – конец XVIII в.)

УДК 94(47)

ТЕОРИЯ ФРОНТИРА И ЮГ РОССИИ В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.¹

© **Юрий Александрович МИЗИС**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой всеобщей и российской истории,
e-mail: roshist@tsu.tmb.ru

© **Олег Владимирович СКОБЕЛКИН**

Воронежский государственный университет, г. Воронеж,
Российская Федерация, кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России, e-mail: olegskob@mail.ru

© **Андрей Игоревич ПАПКОВ**

Белгородский государственный национально-исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация, кандидат исторических наук,
доцент, декан историко-филологического факультета
педагогического института, e-mail: parkov@bsu.edu.ru

Рассмотрена история применения теории фронта на российскую историю. Отмечаются основные достижения в этом вопросе, достигнутые сибирскими исследователями. Предлагаются основные понятия и термины южнорусского фронта, его специфика и особенности. Рассматриваются основные этапы формирования пограничной территории на южной границе Русского государства. Проводятся аналогии и различия фронтальных зон Сибири и Юга России. Рассмотрены влияние этого процесса на формирование территории Русского государства и основные этапы национального менталитета.

Ключевые слова: фронт; южная граница; цивилизация; колонизация; воеводы; служилые люди.

DOI: 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15

Теория фронта, предложенная американским ученым Ф. Тернером, использовалась им для объяснения особенностей образования американского государства, его общественного строя и менталитета граждан [1]. В последующем эта теория получила развитие в трудах американских историков. В российской историографии попытка рассмотреть историю Сибири как фронтальной территории предпринималась в 1990–2010 гг.

Мы предлагаем рассмотреть историю заселения лесостепи и степи юга России с точки зрения фронта, определить, какую роль сыграло освоение юга русских земель в XVI–XVIII вв. в формировании России. История проблем пограничных территорий многократно становилась предметом исследований историков, социологов, философов и других специалистов [2–5].

Со времени образования Российского государства и, тем более, после присоединения к нему земель Рязанского княжества и Северской земли вдоль южной границы страны возникла территория, имеющая ряд принци-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-01-00355 «Русский фронт: политические, социальные и экономические аспекты (Юг России в XVI – конец XVIII в.)».

пиальных отличий от основной территории государства. Как уже не раз отмечали исследователи, в российских источниках XVI в. (прежде всего это документы приказного делопроизводства) отдельные ее части называются по-разному: «северские города», «рязанские города», «украинные города», «города от польской украины»; позже, с основанием городов на территории Поля, появляются «польские города» [6, с. 20-21]; а еще позже, с возведения Белгородской черты, составители документов в качестве географического «репера» начнут использовать понятие «черта» – города «на черте», города «в черте», города «за чертой».

Освоение свободных земель давало неодинаковые результаты: в одних странах способствовало быстрому экономическому развитию, формированию новых социально-политических отношений, в других – возрождало архаические уклады, в третьих – воспроизводило социальные отношения, характерные для метрополии, и их динамика была очень замедленной. Для московского правительства в освоении новых территорий большую роль играли такие факторы, как прирост новых земель под пашню и увеличение количества населения, платящего налоги. Другим фактором служила постоянная угроза пограничным землям со стороны кочевых народов. В американском фронтире при передвижении его линии вглубь континента преобладала определенная степень хозяйственного и политического освоения внутренних районов. В Сибири этот фактор, как считают историки, не играл решающей роли, т. к. там до сих пор остается масса слабо или вообще не заселенных территорий. Поэтому можно говорить о разнообразии подходов к освоению фронтирных территорий.

В отличие от океана, разделяющего Америку и Британию, уральские горы не являлись достаточной преградой для влияния из метрополии и не способствовали успешной, не пресекаемой правительством, сепаратистской деятельности. По словам А.Д. Агеева, Сибирь всегда нуждалась в связях с метрополией в силу колониального характера своей экономики. Самостоятельное государственное существование Сибири и морфологически и функционально было невозможно [7]. Поэтому дореволюционные историки Сибири считали, что основная заслуга вклю-

чения земель за Уралом в состав России принадлежала правительству, организовывавшему походы служилых людей, направленных на основание острогов и подавление сопротивления автохтонных жителей, а сюжеты хозяйственной деятельности колонистов на новых землях отходили на второй план. Народная колонизация, напротив, рассматривалась как едва ли не единственный путь заселения Сибири. Советскими историками была разработана четкая классификация колониционных процессов: по характеру – народная, правительственная и смешанная; по типам хозяйственного освоения – промысловая, земледельческая, служилая, церковно-монастырская и т. д.

Исследователи Сибири сформулировали определение фронтаира и ввели его в научный оборот. Поскольку воспринят он был, прежде всего, от американской историографии (хотя перенос этого концепта на территорию Евразии был осуществлен в зарубежной историографии еще в 50–60-х гг. XX в.), то вполне естественно, что в отечественной исторической науке к нему обратились исследователи того региона, который в большей степени, чем другие, был похож на осваиваемый Дикий Запад – Сибирь. Свидетельством тому служит проведение в 1996 г. в Томске международной конференции под названием «Американский и сибирский фронтир (фактор границы в американской и сибирской истории)» и публикация материалов этой конференции в 1997 г. [2], а также многочисленные последующие публикации [4; 8]. Началось использование концепта фронтаира и для других регионов страны применительно к различным периодам истории.

В отечественной исторической науке сложилось два подхода к трактовке фронтаира. Первый подход концентрируется на территориальном аспекте, т. е. фронтир – это «определенная линия укреплений, установленная зафиксированная граница между русскими и коренными жителями Сибири или соседними государствами». Фронтир, по мнению Д.Я. Резуна, – это «создание цепи или отдельных относительно быстро сооружаемых и легковооруженных военных пунктов (остроги, слободы, форпосты, пасы, погосты, укрепленные деревни и заимки), которые всегда выдвинуты в пограничные земли и отдалены от основных административно-

хозяйственных центров (городов) относительно большим расстоянием» [4]. Так, например, Д.Я. Резун дал свое определение термина «фронтир», адаптировав тем самым идею порубежья к «фронтиру» сибирскому. Фронтир, по мнению Д.Я. Резуна, – область взаимодействия между русским и местным населением Сибири. Это взаимодействие не ограничивалось только военно-политическими контактами, оно также предполагало культурные и хозяйственные точки соприкосновения. Это «создание цепи или отдельных относительно быстро сооружаемых и легковооруженных военных пунктов (остроги, слободы, форпосты, пасы, погосты, укрепленные деревни и заимки), которые всегда выдвинуты в пограничные земли и отдалены от основных административно-хозяйственных центров (городов) относительно большим расстоянием». «Фронтир, – писал он, – возможен только при встрече двух культур разного уровня цивилизационного развития». Кроме этого, Д.Я. Резун предложил другую трактовку термина «фронтир», который применялся именно к сибирскому порубежью.

Для понимания сути теории сибирского фронта важны положения, выдвинутые М.В. Шиловским. Ученый считает, что «необходимо говорить о трех видах фронта: внешнего – по отношению к территориям и этносам, не вошедшим в «огораживающее поле» колонизации; внутреннего – по отношению к народам, оказавшимся внутри него; и внутрицивилизационного – между старожилами и переселенцами» [9]. Сущность второго подхода первоначально была выражена Н.Ю. Замятиной, которая считала, что фронт – это «зона особых социальных условий, а не граница территории, находящейся под юрисдикцией государства, и уж тем более не граница территории, разведанной ее жителями» [10, с. 77]. По мнению А.С. Хромых, «целесообразнее говорить не о видах, а о стадиях фронта, т. к. они последовательно сменяли друг друга. И тогда внешний фронт – это места и моменты первой встречи пришлых людей с автохтонным населением, которые предполагают начальные и неустойчивые экономические, социальные, политические и культурные контакты. Внутренний фронт – это сложившиеся контактные зоны, где постоянные русские поселения вкрапляются в места проживания местных

народов внутри колонизируемой территории, а вся территория уже входит в административное и правовое поле государства. Исследователь замечает, что современное представление о фронте значительно отличается от выдвинутого Ф. Тернером определения, согласно которому фронт – это точка встречи дикости и цивилизации, где происходит взаимодействие между колонизаторами и местным населением, результатом которого является формирование основания нового общества [11]. А.С. Хромых считает, что «эта интерпретация сужает содержание основных идей Ф. Тернера», и «можно определить фронт как некоторую зону особых социальных условий, возникающих в результате контактов разноуровневых цивилизаций, приводящих к формированию нового общества или сообщества».

Таким образом, фронт трактуется как зоны экономического, социального, политического и культурного взаимодействия прошлого населения с местными народами, в результате которого происходит становление нового нередко локального сообщества. Колонизация же – это в первую очередь процессы заселения и освоения, включающие в себя межэтническое взаимодействие и административное вхождение новой территории в состав государства.

В России термину «фронт» существовала альтернатива – «колонизация», если понимать фронт именно как продвижение, а не как некую сеть поселений, которую мы называем фронтальной линией. Так, например, претерпело изменения понятие «колонизация». Помимо традиционного заселения и хозяйственного освоения в него стали включать на равноправных началах с экономическими и политическими составляющими этнополитические и культурные аспекты.

Несмотря на эту пестроту терминологии, имеющиеся источники последней трети XVI в. (к сожалению, весьма немногочисленные) оставляют стойкое впечатление, что современники (или, по крайней мере, составители соответствующих документов) воспринимали южные приграничные уезды как некое единое целое, обладающее спецификой в сравнении с остальной территорией государства. Особенно это заметно в тех случаях, когда решались проблемы противостояния татарской и ногайской угрозе. Однако единого

термина для обозначения этой территории не было. (Эта особенность – отсутствие обобщающих терминов в русской правовой и делопроизводственной традиции XVI–XVII вв. – также отмечалась не раз [12, с. 77-78; 13, с. 59]). Такая ситуация создает трудности как для исследователя, так и для читателя.

Мы предлагаем ограничить географические рамки южнорусского фронта территории междуречья Волги и Дона с востока на запад, а также на севере южной границей бывшего Рязанской княжества и предгорьями Кавказа на юге. Эта огромная территория почти не имела постоянного местного населения, за исключением самых южных земель, принадлежащих Большим и Малым ногаям, Крымскому ханству. Использование ряда упомянутых терминов эпохи неминуемо требует от исследователя каждый раз оговаривать, о какой конкретно территории идет речь, поскольку, по мере продвижения границы на юг, один и тот же термин в разное время мог обозначать разный «набор» уездов. Что же касается локальных терминов (например, «северские города»), то их в принципе невозможно применять для обозначения всей приграничной территории. С другой стороны, весьма специфические названия – «польские города», «украинные города» – понятны лишь узкому кругу специалистов. Еще М.Н. Тихомиров, а вслед за ним В.П. Загоровский отмечали, что неискушенный читатель (замечу, что, как показал опыт, к ним относятся и профессиональные историки, не связанные с сюжетами XVI–XVII вв.) склонен связывать эти понятия с Польшей, а не с Полем, и с Украиной, а не с южной окраиной русского государства [6; 14]. В то же время все перечисленные термины использовались исключительно для юга России, в то время как подобные приграничные регионы существовали в XVI–XVII вв., как минимум, еще в одной части страны – в Сибири. Но в документах, связанных с сибирской территорией Российского государства, указанная терминология, разумеется, не употреблялась. Вероятно, в связи с тем, что изначально географическое понятие «Сибирь» в сознании русских людей связывалось с окраинным и пограничным положением.

Помимо терминов источников в литературе принято употреблять понятия, введенные историками: «порубежье», «погранич-

ные уезды», «приграничные уезды». Использование термина «порубежье» связано с его некорректностью применения по отношению к окраинным территориям понятия «граница», которое подразумевает, как правило, четкое определение государственной принадлежности смежных территорий. В рассматриваемом случае государственные границы не были маркированы до второй половины XVII в. Следует обратить внимание на то, что термин «порубежье» использовался применительно к рассматриваемым регионам [15, с. 135], а в современном русском языке осталось слово «рубезь», а «порубежье» исчезло [16, с. 709]. Вместе с тем вышеназванные термины, на наш взгляд, также недостаточно корректны в силу некоторой расплывчатости. Совершенно ясно, что территория, которую обозначают этими терминами, примыкает к границе. В буквальном смысле – это те уезды, у которых хотя бы часть границы совпадает с границей государства. Однако на практике исследователи называют так и те уезды, которые граничат с собственно пограничными уездами, а иногда относят сюда и более дальние уезды. Таким образом, остается вопрос: как далеко от границы заканчивается территория, обозначаемая указанными терминами? Начиная с середины XVI в. и далее в XVII в. территория южных уездов имела две зоны. Одна – заселенная зона, которая на юге была ограничена линией укреплений засек и черт. До 1647 г. правительство еще мирилось с наличием отдельных поселений помещиков и монастырей за пределами укреплений, но затем заняло предельно жесткую позицию, запретив иметь какие-либо поселения южнее черты [17, с. 219-220].

Хозяйственная зона уезда точно не определялась, поэтому значительные земли за линией укреплений, которые Россия считала своими, использовались местным населением как бортные, рыбные и пушные угодья и назывались ухояями. Эти земли считались государственной собственностью и сдавались местными воеводами всем желающим в оброк. Основными потребителями ухояев были дворцовые крестьяне, отдельные категории мелких служилых людей и монастыри.

Поэтому все вышеперечисленные термины для обозначения пограничной территории являются, во-первых, слишком нейт-

ральными и не подразумевают какой-либо специфики (кроме близости к границе) региона, о котором идет речь: приграничные уезды на западе России и таковые на юге кроме своей «приграничности» не имели, кажется, ничего общего. Во-вторых, они не вполне применимы к Сибири, где на протяжении большей части рассматриваемого периода трудно говорить о какой-либо единой границе государства, четких границах уездов.

Все это приводит нас к необходимости привнесения в терминологию понятия, которого нет в источниках и которое бы отражало, во-первых, ту специфику приграничных регионов, которая явно или неявно осознавалась современниками, а во-вторых, те сходные специфические черты, которые выявлены исследователями применительно к разным приграничным регионам. Такой термин сравнительно недавно используется исследователями России – «фронтир». Что касается юга России, то этот термин применительно к данной территории был введен сравнительно недавно. (По-видимому, впервые (в самом общем виде) идея фронта для этого региона была предложена А. Каппелером в 2001 г. (на русском языке опубликовано в 2003 г.) [3] и сравнительно недавно Ю.А. Мизисом и С.Г. Кашенко [18].)

Естественно, что внедрение нового термина, изначально описывающего явление, находившееся на другом континенте; термина, позаимствованного у зарубежной историографии (где он трактуется, подчас, по-разному) – с неизбежностью приводит к тому, что разные исследователи или группы исследователей вкладывают в него различное наполнение. При этом практически все авторы едины в одном: территория любого фронта, в силу своей специфики, принципиально отличается от остальной территории государства. А вот что можно отнести к этой специфике – здесь высказываются самые различные мнения.

Поскольку концепт фронта сравнительно недавно стал использоваться отечественными историками для описания ряда приграничных территорий России, то в настоящее время процесс усвоения научным сообществом этого термина и связанного с ним дискурса все еще продолжается. С учетом этого обстоятельства, полагаем целесообраз-

ным сформулировать наше видение данного концепта.

Фронтир – это территория, которая:

а) примыкает к границе государства и

б) по ряду признаков отличается от остальной территории данного государства, включая другие приграничные территории.

Условия возникновения и существования фронта таковы:

– сопредельная фронтиру территория не является общепризнанной территорией какого-либо государства (при этом она может отдельными государствами восприниматься как часть их государственной территории);

– население сопредельной территории находится на иной стадии социального развития и / или развития техники и технологии, нежели население государства, на окраине которого возникает фронтир, что зачастую воспринимается как более низкая стадия развития (часто подобное восприятие возникает в регионах взаимодействия кочевых и оседлых культур);

– граница, вдоль которой возникает фронтир, является условной, ее демаркация не проводилась;

– сопредельная территория является объектом экспансии государства, в силу чего условная граница государства постоянно отодвигается вглубь сопредельной территории.

К существенным признакам фронта относятся следующие:

– фронтир – это «движущаяся» территория; по мере продвижения условной границы государства территории, бывшие фронтиром ранее, теряют свою специфику, перестают быть фронтиром, превращаются в часть основной территории государства, а фронтиром становятся недавно присоединенные территории;

– наличие постоянной военной опасности;

– фронтир является районом колонизации; присоединенная территория заселяется выходцами с основной территории государства, и новое население ведет активную экономическую деятельность по освоению присоединенной территории; при этом характер этой деятельности, как правило, принципиально отличается от таковой деятельности аборигенов.

Особенностью России было, во-первых, одновременное существование в определен-

ные исторические периоды более чем одного фронта, а во-вторых, в разные периоды истории фронты возникали на различных окраинах государства. Так, во второй половине XVI – XVII в. существовало, как минимум, два фронта – южный и сибирский; в первой половине XIX в. этих фронтов уже давно не было – они превратились в основную территорию государства, но зато возник новый фронт – кавказский. Наверное, нет нужды доказывать, что каждый из фронтов, помимо общих «фронтных» черт, имел и свою специфику.

Что касается особенностей южного фронта России второй половины XVI – первой половины XVIII в., то к ним можно отнести следующие:

- в основе массового переселения людей на новую территорию лежала государственная политика, которая дополнялась вольной, монастырской и в какой-то мере помещичьей колонизацией. Государство, в лице воевод, на протяжении всего периода способствовало заселению и освоению новых территорий;

- присоединяемой к России и колонизируемой территорией было Поле (о термине «Поле» см.: [19, с. 5-10]), где не было оседлого аборигенного населения, однако через эту территорию пролегали пути нападений на Российское государство крымских и ногайских татар и черкас. Татары, будучи кочевниками, не могли освоить и надежно закрепить за собой территории, которые мы обозначили как южный фронт России, но рассматривали эти земли как часть своих земель, постоянно они здесь не обитали, а использовали указанный район как место летних кочевий;

- южный фронт был объектом постоянных нападений крымских и ногайских татар, а также калмыков и (до середины XVII в.) – черкас;

- на территории фронта существовала особая система сторожевой и станичной службы; участие в ней принимало служилое население, а иногда и другие категории населения;

- базой для заселения и освоения фронта служила система укреплений, защищающая пограничную территорию, создававшаяся государством;

- на новых землях практически не было местного оседлого населения, за исключением периода второй половины XVI – первой трети XVII в., когда шло заселение территории между Цной и Волгой, где проживали угоро-финские народы;

- в отличие от Сибири, угрофины уже длительное время совместно проживали с русскими переселенцами, восприняв от них более высокий уровень земледельческих занятий и ремесел, имея общие интересы по защите пограничных земель от набегов кочевников;

- служилое население преобладало над прочими категориями населения;

- среди служилого населения абсолютно преобладали люди низших чинов;

- среди владельцев поместий и вотчин преобладали мелкопоместные и беспоместные служилые люди; вотчинников было крайне мало, а размеры вотчинных владений были невелики, и почти до конца XVII в. существовала система «заповедных городов» с запретом на дворянское землевладение;

- существовала нехватка крестьянского населения, в силу чего большинство помещиков не являлись дворовладельцами;

- имела место социальная мобильность, невозможная или крайне ограниченная на основной территории государства;

- район южного фронта являлся местом ссылки за различные правонарушения, в силу чего можно говорить о наличии среди населения (главным образом, служилого) большей доли лиц, склонных к девиантному поведению, нежели на остальной территории страны (характерно и для сибирского фронта).

На протяжении истории южного фронта значимость указанных признаков была неодинаковой: в какие-то периоды наиболее значимыми были одни признаки, в какие-то периоды – другие.

В отличие от Сибирского фронта южное пограничье практически не имело постоянного населения после ухода отсюда в середине XVI в. Большой орды. Борьба за лесостепь и степное пограничье продолжалась на протяжении почти всего периода существования южного фронта. Наличие буферной зоны между Российским государством и Крымским ханством и Ногаями на определенный период времени устраивало все сто-

роны и позволяло избегать прямых крупных военных конфликтов.

Можно выделить основные этапы формирования южнорусского фронта.

Первый период начался во второй половине XVI в. и был связан с активной южной и юго-восточной политикой государства. Проявлением этого процесса стало взятие Казани и Астрахани русскими войнами, строительство ряда новых городов на юге России: Шацка, Ряжска, а затем Лебедяни, Воронежа, Белгорода. Этот этап завершился с началом Смутного времени и характеризуется отсутствием в это время единой концепции освоения южнорусских земель.

Второй период начинается в середине 30-х г. XVII в., что было связано со строительством Белгородской, Тамбовской, Шацкой, Нижне- и Верхнеломовской, Инсарской и Симбирской черт. Дополнением к этому этапу было строительство Изюмской черты и планы по созданию Битюцкой и Пензенской черт.

Принципиально новым явлением в истории южного фронта стало создание в 30–50-х гг. XVII в. Белгородской черты, представлявшей собой небывалую по масштабам систему оборонительных сооружений. В ходе возведения черты было построено более двух десятков новых городов [6], которые вместе с двумя «старыми» городами – Воронежем и Белгородом – стали опорными пунктами обороны. Именно в этот период стремительно увеличилась вертикальная социальная мобильность, резко возросла доля служилого населения, и, соответственно, резко снизилась доля крестьянского населения.

Изменился фронт и географически. Теперь его территорию образовывали уезды, чьи административные центры были крепостями Белгородской черты (города «на черте»). Что касается соседних с ними более северных уездов, городов «в черте», то вопрос о принадлежности их к фронту в этот период еще требует дополнительных исследований. На наш взгляд, на протяжении еще длительного времени они сохраняли некоторые черты пограничных территорий: их гарнизоны часто использовались в качестве воинской силы для охраны новых линий укреплений, для включения в число сторож или для строительства городских и полевых укреплений. К концу века эти функции отпали.

Переселение в новые уезды шло при активном участии государства, которое своими указами способствовало заселению и освоению пограничных территорий. Сюда можно отнести указы на заселение уездов «вольными и охочими» людьми, выдача жалования на переселение и строительство жилища, возможности сменить социальный статус, вплоть до записи в категорию «детей боярских», выделение средств на строительство крепостей и линии укреплений. Проводниками государственной политики на новых землях выступали городские воеводы. Южнорусские воеводы ездили на границу как на боевые задания с учетом постоянной угрозы татарских набегов. Если в центральных уездах страны воеводы действительно могли отдохнуть от полевой службы в полках и заниматься хозяйственными заботами, то на юге государства ситуация была зачастую прямо противоположной, что реально отразилось в воеводских наказах. В их обязанности входили такие функции, как организация контроля за пограничной территорией, что осуществлялось посылкой сторож, станиц и больших отрядов для преследования противника, приведение в боевую готовность всей системы укреплений в уезде, подготовка гарнизона к боевым действиям, ремонт и строительство укреплений по городу и уезду. Регулярные смотры служилых людей и проверка их боеготовности.

Не меньшую активность проявляла русская церковь, создавшая во многих пограничных уездах не только сельские и городские приходы, но и монастыри как проводники православия. Еще одним важным фактором быстрого заселения указанных территорий стал мощный поток крестьянского «вольного» переселения. Несмотря на все усилия государства в связи с настоятельным требованием помещиков ограничить крестьянскую вольницу и мощный переселенческий поток, остановить эту волну переселений помещикам до 60–70-х гг. XVII в. не удавалось.

К особенностям южнорусского фронта можно отнести преобладание земледельческих занятий нового населения и вспомогательную роль охоты, бортного промысла и рыбной ловли. Этому способствовало наличие значительного массива свободных пло-

дородных земель на юге и более умеренного климата.

Началом завершающего этапа истории южного фронта стало взятие Азова и активизация южного направления политики Русского государства молодым царем Петром I. Результатом этого этапа стало присоединение значительного массива земель на юге в междуречье Дона и Волги. К середине XVIII в. этот этап был завершен. Южнорусские земли прочно вошли в состав Российского государства. Фронтирная территория сдвинулась к предгорью Кавказских гор.

1. Тернер Ф.Д. Фронтир в американской истории. М., 2009.
2. Американские исследования в Сибири. 1996. Вып. 2. Американский и сибирский фронтир: материалы международной научной конференции «Американский и сибирский фронтир (фактор границы в американской и сибирской истории)». Томск, 1997.
3. Кappelер А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII вв. // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47–64.
4. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
5. Там внутри: Практика внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012.
6. Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
7. Ageev A.D. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005.
8. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001–2003. Вып. 1–3.
9. Шиловский М.В. Фронтир и переселения (сибирский опыт) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сборник статей. Вып. 3. Новосибирск, 2003.
10. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. 1998. № 5.
11. Хромых А.С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронтир» в изучении истории Сибири. URL: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/3RNМК/018_Khromykh.pdf (дата обращения: 27.07.2015).
12. Скобелкин О.В. Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в

XVII в. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2011. Вып. 18.

13. Скобелкин О.В. Служилые люди южного фронта: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во 2-й половине XVII в. // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2013. № 1.
14. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1991.
16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.
17. Мизис Ю.А. Воевода Московского царства. Р.Ф. Боборыкин на государственной службе. Тамбов, 2012.
18. Мизис Ю.А., Кащенко С.Г. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История*. 2011. № 1. С. 9–16.
19. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991.

1. Terner F.D. Frontir v amerikanskoj istorii. M., 2009.
2. Amerikanskije issledovaniya v Sibiri. 1996. Vyp. 2. Amerikanskiy i sibirskiy frontir: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Amerikanskiy i sibirskiy frontir (faktor granitsy v amerikanskoj i sibirskoy istorii)”. Tomsk, 1997.
3. Kappelер A. Yuzhnyy i vostochnyy frontir Rossii v XVI–XVIII vv. // *Ab Imperio*. 2003. № 1. S. 47–64.
4. Rezun D.Ya., Shilovskiy M.V. Sibir', konets XVI – nachalo XX v.: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov. Novosibirsk, 2005.
5. Tam vnutri: Praktika vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii. M., 2012.
6. Zagorovskiy V.P. Belgorodskaya cherta. Voronezh, 1969.
7. Ageev A.D. Sibir' i amerikanskiy Zapad: dvizhenie frontirov. M., 2005.
8. Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshchee i osobennoe. Novosibirsk, 2001–2003. Vyp. 1–3.
9. Shilovskiy M.V. Frontir i pereseleniya (sibirskiy opyt) // Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshchee i osobennoe: sbornik statey. Vyp. 3. Novosibirsk, 2003.
10. Zamyatina N.Yu. Zona osvoeniya (frontir) i ee obraz v amerikanskoj i russkoj kul'turakh //

- Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1998. № 5.
11. *Khromykh A.S.* K voprosu o primeneniі ponyatiy "kolonizatsiya" i "frontir" v izuchenii istorii Sibiri. URL: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/3RNMK/018_Khromykh.pdf (data obrashcheniya: 27.07.2015).
 12. *Skobelkin O.V.* Struktura sluzhilogo naseleniya Voronezha i Voronezhskogo uezda v XVII v. // *Iz istorii Voronezhskogo kraia*. Voronezh, 2011. Vyp. 18.
 13. *Skobelkin O.V.* Sluzhilye lyudi yuzhnogo frontira: osobennosti zemlevladieniya, zemel'noy i soslovnoy politiki gosudarstva vo 2-y polovine XVII v. // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. 2013. № 1.
 14. *Tikhomirov M.N.* Rossiya v XVI stoletii. M., 1962.
 15. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* M., 1991.
 16. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. M., 1993.
 17. *Mizis Yu.A.* Voevoda Moskovskogo tsarstva. R.F. Boborykin na gosudarevoy sluzhbe. Tambov, 2012.
 18. *Mizis Yu.A., Kashchenko S.G.* Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. v otechestvennoy istoriografii // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seriya 2: Istoriya. 2011. № 1. S. 9-16.
 19. *Zagorovskiy V.P.* Istoriya vkhozheniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI v. Voronezh, 1991.
- Поступила в редакцию 18.08.2015 г.

UDC 94(47)

THE THEORY OF THE FRONTIER AND THE SOUTH OF RUSSIA IN XV I– THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY

Yuri Aleksandrovich MIZIS, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, e-mail: roshist@tsu.tmb.ru

Oleg Vladimirovich SKOBELKIN, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor of Russian History Department, e-mail: olegskob@mail.ru

Andrey Igorevich PAPKOV, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor, Dean of Historical-Philological Faculty of Pedagogic Institute, e-mail: papkov@bsu.edu.ru

The history of the application of the frontier theory on Russian history is discussed. There have been major achievements made by Siberian researchers in this regard. It offers basic concepts and terms of the southern Russian frontier, its specificity and characteristics. The main stages of the frontier formation of the Russian state are analyzed. The differences of the frontier areas in Siberia and southern Russia as well as their analogies are drawn. The influence of this process on the formation of the Russian territories and national mentality is considered.

Key words: frontier; the southern boundary; civilization; colonization; voivode; service class people.

DOI: 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15